

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ЦЕНТР СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

ТРАЕКТОРИИ ТРАДИЦИИ

Главы из истории династии и церкви
на Руси конца XI — начала XIII века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 930.85(47)
ББК 63.3(2)43
Л 64

*Исследование выполнено в рамках проекта ОНФН РАН
« Историко-филологический анализ древнерусского нарратива
(на материале летописных и агнографических источников) »*

Литвина А. Ф. , Успенский Ф. Б.

Л 64 Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 208 с. — (Studia historica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0397-6

В этой книге рассматриваются несколько «загадочных» летописных и материальных свидетельств, связанных с историей русской культуры конца XI — начала XIII столетия. Исследование сосредоточено на том, как индивидуальный выбор находит свое место в традиции, а зачастую и формирует для нее новое русло. Непривычные опыты личного благочестия князей и духовных иерархов, нетривиальные совпадения имен и дат в семейной и публичной истории, неожиданные апелляции к прошлому и использование новых образцов в иконографии власти оказываются столь же необходимыми для поддержания династического и церковного обихода, как и его устойчивые и регулярно воспроизводимые проявления.

ББК 63.3

*На переплете:
печень великой княгини Марии Гверской (XIV в.) с изображениями русских
князей и митрополитов, причисленных к лику святых*

ISBN 978-5-9551-0397-6

с А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, 2010
с Языки славянской культуры, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов

- 5 -

~ I ~

**МОНАСТЫРЬ СВ. СИМЕОНА В КИЕВЕ
И РУССКО-НЕМЕЦКИЕ СВЯЗИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI В.**

- 9 -

~ II ~

**КНЯЗЬ И МИТРОПОЛИТ:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА**

- 21 -

~ III ~

**СМЕРТЬ В ЧЕРНИГОВЕ:
ДУХОВНАЯ ГРАМОТА
МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО КОНСТАНТИНА**

- 80 -

~ IV ~

**ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ:
ТЕКСТОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
ИЛИ КНЯЖЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ?**

- 138 -

~ V ~

**ХРИСТОС ПАНТОКРАТОР
НА ПЕЧАТИ МСТИСЛАВОВОЙ ГРАМОТЫ**

- 152 -

Сокращения и цитируемая литература

- 168 -

Указатель имен

- 193 -

От авторов

История Руси XII века относительно редко рассматривается как нечто целостное и завершенное. Это столетие, разумеется, не обойдено вниманием исследователей, но чаще всего оно предстает как время угасания и дробления начинаний XI века или как преддверие катастрофы, случившейся в веке XIII-ом. При всей насыщенности событиями, этот период явной децентрализации нередко воспринимается едва ли не как некий неизбежный, но не слишком продуктивный промежуток, необходимая заминка в поступательном движении исторического процесса.

Мы хотели бы представить это время под несколько иным углом зрения, разглядеть в нем вполне самостоятельную эпоху — эпоху цветения и развития, а не упадка и оскудения. При этом хронологические границы интересующего нас периода соответствуют границам столетия лишь приблизительно. В качестве нижней из них можно было бы избрать, например, 1096 год, под которым в Лаврентьевской летописи помещено «Поучение» Владимира Мономаха, а в качестве верхней — год 1199, с которым в летописи Ипатьевской соотнесен рассказ о поновлении Михайлова Выдубицкого монастыря в Киеве. Можно, с другой стороны, связать его окончание и с несколько более поздними датами, когда в летописи появляются сообщения о рождении внуков Всеволода Большое Гнездо, один из которых получил имя *Всеволод* при живом деде, а другой оказался прижизненным тезкой своего собственного отца, Ярослава Всеволодича.

Условность предлагаемых точек отсчета более чем очевидна — завет Мономаха, например, и в самом деле может служить некой вехой, отмечающей завершение одного этапа истории Древней Руси и начало следующего; весьма характерные приметы новой эпохи несут в себе и летописные свидетельства, расположенные в Лаврентьевской летописи в непосредственной близости от «Поучения», но все же маловероятно, что Мономахов текст и впрямь был целиком составлен в 1096 г. Нетрудно заметить, что речь в любом случае идет о точках и границах, так сказать, литературных, определяемых не столько по каким-либо событийным приметам вроде заключения военного союза или начала правления того или иного киевского князя, сколько по

своеобразным отражениям хода культурно-исторического процесса в сохранившихся источниках.

Такая доминанта филологической перспективы кажется нам оправданной, поскольку, неизменно храня веру в то, что принято называть исторической реальностью, мы вынуждены столь же неизменно признавать, что никакого прямого доступа к ней — помимо «говорящих» письменных памятников и «молчащих» материальных свидетельств — у нас нет и быть не может. В этом смысле история культуры оказывается реальнее истории событий, поскольку она ближе связана с тем, что мы можем видеть, читать и осязать, и только сквозь ее призму иногда удастся разглядеть, что же случилось «на самом деле».

Создание целостной картины XII века и для нас, авторов этой книги, остается делом будущего, пока же мы готовы предложить читательскому вниманию лишь несколько локальных срезов, или отдельных фрагментов мозаики, которые еще предстоит объединить с другими частями. Если воспользоваться метафорой из области лингвистических исследований, можно сказать, что, намереваясь создать словарь, мы начинаем с пробной публикации отдельных его статей.

С другой стороны, известная атомарность описания обусловлена спецификой рассматриваемого материала — с тем, что у нас осталось от XII века, мы, как кажется, не имеем надежды воссоздать плавное, погодное развитие многих явлений и процессов; множество увлекательнейших вопросов о причинах того или иного события, упомянутого в текстах, или о содержании какого-то фигурирующего здесь термина обречено так и остаться без сколько-нибудь однозначного ответа. Зато порой источники дарят нам сообщения, позволяющие приоткрыть завесу над целой системой культурных закономерностей, присущих именно этому времени и остающихся незамеченными, если подходить к ним с мерками другой эпохи. На наш взгляд, именно совокупность интерпретаций подобного рода фрагментов поможет различить некие внутренние тенденции и направления, по которым развивалась русская культура XII столетия.

В поиске таких ключевых свидетельств мы стремились обращать внимание не только на те отрезки текстов, где наблюдается прямое противоречие между несколькими источниками, но и на те, где читатель сталкивается с явно выраженным недоумением автора или хотя бы с его выделяющимися на общем фоне метасобытийными ремарками; не менее важны здесь, конечно, и случаи эксплицитной констатации изменений, культурного сдвига, отступления от традиции.

Отобранные подобным образом данные неизбежно оказываются весьма разнородными даже по сугубо формальным параметрам — это может быть целый летописный рассказ, упоминание одного-

единственного имени, надпись на иконе или сочетание легенды и изображения на печати, — содержательные же различия между ними могут быть еще более существенными. Такая асимметрия данных не только допускает, но и требует известной асимметрии в исследовательском подходе. Так, отдельные из этих свидетельств стоило, на наш взгляд, рассматривать с учетом инокультурной перспективы, синхронных и диахронических материалов, относящихся, например, к истории Византии или Западной Европы, тогда как другие скорее имеет смысл анализировать изолированно, в рамках собственно русской традиции, осознавая, впрочем, условный, технический и временный характер подобного разделения.

Если говорить об асимметрии другого рода, асимметрии, так сказать, герменевтической, то наиболее рациональным исследовательским подходом к большей части показаний древнейших русских летописных памятников относительно событий XII столетия нам представляется «презумпция невиновности» источника. Иными словами, мы полагаем, что составитель памятника стремился, если не доказано обратное, поведать истину и что его понимание истины, вовсе не обязательно тождественное нашему, все же доступно для современного понимания. С другой стороны, в записях Лаврентьевского свода с определенного времени — условно говоря, с середины 70-х годов интересующего нас века — проявляются тенденции, нуждающиеся в несколько других интерпретационных методах (впрочем, проблематика, связанная со сменой нарративного регистра в указанной части летописи, практически полностью остается за рамками очерков, собранных под этой обложкой).

Итак, каждый из предложенных здесь сюжетов отталкивается от какой-либо максимально конкретной детали, будь то летописная статья или материальный объект, — продвигаясь от частного к общему, мы стремились всячески воздерживаться от того, чтобы заходить по этому пути далее, чем позволяют доступные нам данные. Есть ли возможность хотя бы в отдаленной перспективе составить на основании исследования подобных отрывков какое-либо единое представление об истории столетия?

В большинстве глав нашей книги речь идет о некоем индивидуальном выборе, об акте личного благочестия, о вполне персонализированных и нерутинных действиях, каждое из которых, тем не менее, совершается публично и обладает своеобразной диалогичностью. «Вывесывания» в культурном диалоге такого рода напоминают нечаянно услышанный разговор по телефону, когда очевидно доступны слова лишь одной из сторон и именно по ним он пытается угадать или достроить реакцию другого собеседника и общую фабулу разго-

вора. Образ этого многоликого незримого собеседника — аудиторию, к которой были обращены действия и речи князя или духовного иерарха, — мы отчасти вынуждены реконструировать или отыскивать в других свидетельствах, других источниках, однако самое наличие реакции на запечатленные в текстах реплики наших героев сомнений не вызывает. «Ответ» может исходить от современников, относительно близких потомков или последовать через несколько столетий, но диалогическая природа этих реплик не дает им повиснуть в воздухе и обеспечивает хронографический текст связностью, а культурно-историческую эпоху — цельностью.

Оговоримся напоследок, что, едва успев наметить хронологические рамки интересующего нас периода, мы неизбежно сталкиваемся с потребностью выходить иногда за их пределы. Как это обычно случается, прототипы культурных событий, наиболее ярко характеризующих ту или иную эпоху, принадлежат времени непосредственно ей предшествующему, а ее итоги особенно зримы на излете, в момент завершения. Таким образом, первая глава нашей книги посвящена эпизоду из истории киевского правления князя Святослава, сына Ярослава Мудрого, тогда как в последней речь идет о микротрадиции, заложенной в XIII веке Ярославом Всеволодичем и подхваченной его сыновьями и внуками.

* * *

В настоящем издании авторы стремились максимально упростить оформление и справочно-технический аппарат. Оговорок требуют, пожалуй, лишь два обстоятельства: 1) курсив в цитатах, кроме специально отмечаемых случаев, принадлежит нам; 2) аббревиатуры, отсылающие к отдельным источникам или серийным и периодическим изданиям (ГВНП, ВВ, ДОР и т. д.), включены в общий алфавитный список цитируемой литературы.

Прориси печатей, помещенные в конце V главы, приводятся по изд.: В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II: Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.

Авторы выражают глубокую признательность друзьям и коллегам, участвовавшим в обсуждении этой книги и отдельных ее частей. Особенно хотелось бы поблагодарить Е. В. Белякову, М. А. Бойцова, А. В. Бусыгина, Т. Л. Вилкул, А. А. Гиппиуса, А. А. Королева, Климентину Иванову, С. А. Иванова, А. В. Назаренко, А. В. Севальнева, О. Б. Страхову, А. П. Толочко, А. А. Турилова.

Монастырь св. Симеона в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в.

Большинство святых, особенно любимых первыми поколениями крещеных Рюриковичей, мы знаем благодаря тому, что их культ был подхвачен потомками — им посвящались новые храмы, их имена со временем становились династическими, а их изображения переходили с одной княжеской печати на другую. Однако кругом этих наиболее знаменитых общеродовых покровителей далеко не исчерпывается перечень святых, которых русские князья чтили в XI веке. О некоторых фактах такого почитания мы догадываемся по летописным рассказам, описывающим события более позднего времени, но в подобных случаях известный лаконизм свидетельств русских летописей о церковном строительстве или посвящении храмов может усугубляться заведомой дистанцированностью нарратива от интересующей нас эпохи. Тем не менее, даже «точечные» свидетельства летописи, относящиеся к разным отрезкам домонгольской истории Руси, иногда позволяют реконструировать некоторые эпизоды княжеской церковной жизни, впоследствии как бы растворившиеся в династической памяти.

В Ипатьевской летописи под 1147 г., годом убийства князя-чернеца Игоря Ольговича, мы находим сообщение о том, что его тело, растерзанное толпой, было погребено в Симеоновском монастыре:

... и везе на конец града в монастырь ꙗмоу Семешноу бѣ бо монастырь ѿца его и дѣда є^ѣ Сѣтослава тамо положиша¹.

В этом летописном свидетельстве особо выделен и назван по имени дед Игоря, Святослав Ярославич († 1076). Данное обстоятельство закономерным образом позволило исследователям считать, что именно князь Святослав и был основателем Симеоновского монастыря².

За этой как будто бы не вызывающей никаких принципиальных возражений гипотезой сама собой тянется и другая, более смелая и шаткая: не был ли в таком случае Святослав *Симеоном* в крещении? Здесь возникает сразу несколько достаточно очевидных возражений. С одной стороны, судя по показаниям Любечского синодика, Свято-

¹ См.: ПСРЛ, т. II, стб. 354.

² См., например: Шапов 1989, с. 136.

слав был в крещении *Николаем*³. С другой стороны, в черниговской ветви рода существовала относительно устойчивая именная пара: родовое имя *Святослав* в сочетании с христианским *Николай*⁴.

Сами по себе эти возражения не отменяют версии с крестильным именем *Симеон*, ведь показания синодика трудно признать совершенно достоверными, а стабильность именных пар в княжеском именослове не следует переоценивать. Надежно известны всего лишь два *Святослава-Николая* среди черниговских Рюриковичей — Никола Святоша и Святослав-Николай Ольгович († 1164)⁵. При этом у черниговцев были, к примеру, и Святослав-Адриан († 1208) и Святослав-Борис⁶. Таким образом, наличие антропонимической пары говорит лишь о вероятности такого сочетания у основателя черниговской ветви, а отнюдь не о том, что Святослав Ярославич непременно был в крещении *Николаем*.

Тем не менее, если на одну чашу весов положить эти данные, а на другую — процитированную запись о Симеоновом монастыре, то предпочтение по справедливости следует отдать версии о крестильном имени Святослава *Николай*⁷. Подчеркнем, вслед за А. В. Назаренко, что не всякий храм, возведенный князем-ктитором, посвящен его патрональному святому, а потому нет нужды приписывать Святославу Ярославичу крестильное имя *Симеон*⁸. Однако, принимая вполне правдоподобный вывод о том, что Святослав Ярославич все же не был *Симеоном*, не следует забывать, что храмовое строительство князей, не будучи облигаторно связано с крестильным именем ктитора, обычно как-то соот-

³ См.: Зотов 1892, с. 24, 33; ср., кроме того, в целом верные, но слишком категоричные, на наш взгляд, утверждения о крестильном имени Святослава в работе: Dimnik 1994, с. 35 (примеч. 40).

⁴ Ср.: Назаренко 2001, с. 593–594. Об устойчивых именных парах в династии Рюриковичей вообще и об именной паре *Святослав-Николай* в частности см. подробнее: Литвина & Успенский 2006, с. 419–432, особенно с. 424–425.

⁵ См.: Литвина & Успенский 2006, с. 607, 608.

⁶ Там же, с. 608, 609.

⁷ См. иначе: Максимович 1877, с. 121; Шапов 1989, с. 136, 223.

⁸ См.: Назаренко 2001, с. 593–594 (примеч. 3). Правда, в древних текстах есть еще одно причудливое сближение имени князя Святослава с христианским *Симеон*: как известно, в Изборнике 1073 г. имеется запись, где указано, что Изборник выполнен Иоанном дьяком по повелению князя Святослава. В рукописи имя *Святослав* написано по соскобленному тексту. При этом существует список XV в., где в соответствующем месте сохранилось имя *Симеон* (Дювернуа 1883, с. 1), и есть основания полагать, что именно чтение «Симеон» является первоначальным. Впрочем, по мнению целого ряда исследователей, объясняется это тем, что дьяк Иоанн имел перед собой болгарский оригинал, где было указано имя царя Симеона. См.: Каринский 1925, с. 11; Протасьева 1974, с. 207 (примеч. 6); Щепкина 1977, с. 224; СлККДР, вып. I, с. 194, с указанием литературы.